

В отечественной исторической науке судьба М.М.Сперанского сложилась столь же противоречиво, как его собственная жизнь. С одной стороны, о самом знаменитом российском реформаторе накоплен достаточно большой массив работ, с другой – до сих пор по проблеме нет ни одной крупной обобщающей монографии. В последние годы, однако, появился целый ряд новых исследований. Часть этих работ, ограниченная ретроспективой в 5-6 лет, представлена в настоящем обзоре.

Американский историк М.Раев, автор двух книг о Сперанском и его наиболее известный на Западе биограф, касается проблемы российского реформаторства и в позднейшей своей книге “Политические идеи и институты российской империи” (1): тема центрального раздела – Сперанский и состояние чиновничьего корпуса России в первой половине XIX в.

В Западной Европе, пишет автор, государственное строительство шло в органической связи со становлением институтов, обеспечивавших профессиональную подготовку чиновничества. Не то в России. Государственная машина, созданная Петром I, не имела чиновника соответствующего ей уровня: российская бюрократия была в высшей

степени неоднородна и малоэффективна. Объективно поэтому воспитание собственного чиновничества по образцу Пруссии и наполеоновской Франции было здесь наиважнейшей задачей реформаторского движения; к задаче этой неоднократно обращался и Сперанский. На уровне местной администрации, пишет автор, в 1840-х годах выполнялся колоссальный объем работы: например, губернатор ежедневно должен был присутствовать в среднем на 17 заседаниях и подписывать 270 бумаг – по 4 с половиной часа из расчета один документ в минуту, 100 тыс. бумаг в год (1, с. 87). Основная нагрузка при этом ложилась на низовое чиновничество – низкооплачиваемое, необразованное, по традиции склонное к мздоимству и другим проявлениям коррупции. Каких-либо правил для отбора чиновников этого уровня не было, как не было и общепринятых требований к их образованию: всему, что требовалось для работы, они учились уже “в присутствии”.

Очень слабо регламентировалась, а в каких-то отношениях не регламентировалась вовсе, и государственная служба высокопоставленного чиновничества. Если вслед за М.Вебером основной чертой развитой бюрократической организации считать накопление опыта, разделение и специализацию функций, то в России и на вершине бюрократической лестницы этого не было. Обычное дело здесь – переход из одной сферы в другую. В.Кочубей, например, начинал свою карьеру в дипломатической сфере – заканчивал в Министерстве внутренних дел. Другой член Негласного комитета Н.Новосильцев также вначале исполнял дипломатические должности, затем занимался внутренними делами, а оставшуюся часть карьеры провел наместником в Варшаве. Государственный деятель мог переходить с военной службы на гражданскую и наоборот: такова карьера А.Аракчеева, дослужившегося до первого министра Александра I, но также адмирала Н.Мордвинова, с образованием Государственного Совета возглавившего его Департамент экономических дел, и А.Шишкова, в 1812 г. сменившего Сперанского в качестве основного редактора императорских указов.

То же самое происходит при Николае I. Его ближайшие советники – ген. А.Бенкендорф, ген. Л.Дубельт, гр. Ал.Чернышев, ген. В.Левашов, гр. А.Орлов, ген. Ал.Меншиков; возглавляет Государственный Совет генерал-адъютант И.Васильчиков, государственными крестьянами управляет ген. П.Киселев. Еще позже

ген. Я.Ростовцев возглавит Редакционную комиссию по крестьянской реформе.

При всем том государство остро нуждалось в чиновниках как раз “веберовского” типа – для управления, торговли, промышленности, юриспруденции. Таковых чаще всего призывали из учебных заведений – отечественных и иностранных. Две наиболее известные фигуры этого типа – М.Балугьянский, советник Александра I по экономическим и правовым вопросам, и Е.Канкрин, начинавший в горном деле и ставший министром финансов Александра I и Николая I. На более низком уровне тем же путем прошли К.Неволин, А.Куницын, К.Кавелин, Ф.Аделунг, Г.Шторх.

На военной и гражданской службе велико было число иностранцев. Наиболее знаменитая среди них фигура – герцог Ришелье, губернатор Новороссии и основатель Одессы, а также маркиз де Траверси, гр. Ланжерон, гр. Лаваль и множество других администраторов. Сплошь иностранными именами пестрил дипломатический корпус: А.Чарторыжский, К.Нессельроде, К.Поццо ди Борго, И.Каподистрия, А.Ренненкампф, П.Убри и великое число служащих среднего звена Министерства иностранных дел.

В этой среде, где карьера напрямую зависела от знатности, судьба Сперанского может показаться, замечает автор, чем-то из ряда вон выходящим. Исключительным, однако, здесь был лишь масштаб этой судьбы, – вообще же со времен Екатерины II число “поповичей” на государственной службе постоянно возрастало. Для людей этого типа, впрочем, путь в высшие сферы чаще всего лежал через место секретаря при том или ином сановнике, – именно этим путем прошел, начав с места домашнего секретаря прокурора Сената А.Куракина, и Сперанский.

Высшее чиновничество России, продолжает автор, никогда не было носителем какой-либо общей образовательной традиции. До создания Царскосельского лицея в России вообще не было заведения, готовившего к государственной службе, – Лицей должен был восполнить этот пробел, но по существу и ему не удалось выйти за рамки общеобразовательной программы. Основной формой образования до середины XIX в. оставалась домашняя подготовка, даже не университет.

При отсутствии единой образовательной традиции государственные деятели России естественным образом являли столь же пеструю картину и в том, что относилось к их политической философии, – достаточно посмотреть на окружение Александра I. В

начальный период здесь видим людей столь разных взглядов и ориентаций, как фон Пален, Н.Панин, Г.Державин, братья Воронцовы, П.Строганов, Н.Новосильцев, В.Кочубей, А.Чарторыжский. Такое же разнообразие во “внутреннем кружке” и накануне войны 1812 г.: А.Голицын, М.Сперанский, А.Аракчеев, Д.Гурьев, Н.Румянцев, Н.Мордвинов, де Траверси, принц Ольденбургский, граф Армфельд, великая княгиня Екатерина. И даже у “методичного” Николая I никакой методики в подборе ближайшего окружения на самом деле не было: здесь опять-таки столь разные по взглядам люди, как А.Бенкендорф, Е.Канкрин, П.Киселев, М.Сперанский, С.Уваров и К.Нессельроде.

Получив назначение, высокопоставленный чиновник вступал в должность, которая чаще всего не имела не только административной традиции, но подчас и простейших правил исполнения. Что-либо регламентировать здесь было сложно еще и потому, что в большинстве случаев положение этого должностного лица никогда не было прочным. Любому администратору поэтому, если он стремился что-либо изменить во вверенной ему области, заведомо знал, что судьба его начинаний зависит единственно от высочайшей поддержки.

В исторической этой ситуации, заключает автор, неудивительно, что все реформаторы XIX в., будь то западники или славянофилы, либералы или консерваторы, сходились в одном – в идее сохранения монархии, как закономерно и то, что при неэффективности российской бюрократии монархия со своей стороны не смогла сохранить контроль над теми экономическими и политическими процессами, что усложнялись в течение всего XIX в. и в конце концов привели к 1917 г.

Специально биографический характер носит книга В.А.Томсинова “Светило русской бюрократии” (М.М.Сперанский)” (2): наиболее подробно здесь освещается начало публичной жизни Сперанского и его деятельность в царствование Александра I.

Оспаривая взгляд М.Корфа, считавшего источником “беспримерных” наград, выпавших на долю молодого Сперанского, прежде всего факторы, лежавшие “более в личном расположении к молодому чиновнику, нежели в каких-нибудь особенных, необычайных заслугах”, автор указывает на стремительность карьеры Сперанского уже в самом ее начале. “Через три месяца после своего вступления в гражданскую службу, а точнее 5 апреля 1797 года, экспедитор генерал-прокурорской канцелярии титулярный советник Михайло Сперанский получил чин коллежского асессора. Еще через *девять* (выделено

автором) месяцев – 1 января 1798 года – он сделан был надворным советником. Не прошло и *трех* месяцев, как он сделался статским советником... А через *девятнадцать* месяцев – 9 июля 1801 года – наш герой уже действительный статский советник! Позднейшие биографы Сперанского не могли читать без изумления его формулярный список – всего за четыре с половиной года попович из домашнего секретаря знатного вельможи превратился в видного сановника Российской империи, достигнув чина, соответствовавшего воинскому званию генерала” (2, с. 38).

В 1802 г., когда организуются министерства и Сперанский принимает участие в разработке организационных основ Министерства внутренних дел, молодой чиновник становится уже объектом конкуренции между секретарем Александра I Д.Трощинским и В.Кочубеем: повелено было “статс-секретарю Сперанскому быть при министерстве внутренних дел”. Здесь он через год становится управляющим экспедиции государственного благоустройства, которой и предназначалось готовить проекты государственных преобразований.

Дальнейший рост Сперанского автор связывает с его участием в делах Негласного комитета, на заседания которого молодой чиновник не допускался, но по решениям которого ему поручалось готовить те или иные проекты. Характеризуя политическую философию молодого чиновника в это время, автор пишет: “Создавая проекты общественно-политических преобразований в России, он смотрел и глубже, и дальше всех других современных ему носителей реформаторских замыслов. Идеи западноевропейских философов, принципы, легшие в основание систем правления в Западной Европе, хотя и восхищали его, не затмили в нем здравого смысла. Он не допускал и малейшей мысли о том, чтобы подчинять этим идеям и принципам российскую действительность... Напротив, Сперанский утверждал, что “всякая страна имеет свою физиогномию, природою и веками ей данную, что хотеть все переделать есть не знать человеческой природы, ни свойства привычки, ни местных положений; что часто и самые лучшие преобразования, не быв приспособлены к народному характеру, производят только насилие и сами собою сокрушаются; что, во всяком случае, не народ к правлению, но правление к народу прилагать должно”. В записке “О постепенности усовершенствования общественного”, датированной 1802 годом, он писал: “Одно из главных правил лиц управляющих должно быть знать свой народ, знать время... Теории редко полезны для практики. Они

объемлют одну часть и не вычисляют трения всей системы, а после жалуются на род человеческий!”... Истинный преобразователь общества – скорее садовник, нежели строитель... “Тот много сделал, кто умел избрать и насадить первый корень, хотя одно время и стечение стихии может взрастить древо” (2, с. 84-85).

Пик славы Сперанского в этот период – участие в переговорах с Наполеоном в Эрфурте. В книге воспроизводится фрагмент из воспоминаний Ф.Булгарина о приватной беседе Наполеона со Сперанским, после которой французский император сказал Александру I: “Не угодно ли Вам, государь, променять мне этого человека на какое-нибудь королевство” – эпизод, подтверждаемый и статс-секретарем Наполеона герцогом Бассано. После этого в течение трех лет – с 1809 по 1811 гг., – пишет автор, Сперанский был, по существу, вторым после императора человеком в Российской империи. 1 января 1810 г. в новоучрежденном Государственном Совете, призванном стать “средоточием всех дел высшего управления”, ему была вверена должность государственного секретаря: он готовил бумаги к заседаниям, составлял бумаги и отчеты для представления императору – председателю Совета. “Воздействие Сперанского на ход государственных дел в рассматриваемый период было почти всеобъемлющим. Оно распространялось на русскую администрацию и суд, финансы и законотворчество, сферу просвещения и культуры, внутреннюю политику и взаимоотношения России с другими государствами. Сперанский определял, если не прямо, то косвенно, назначения на должности, в том числе и высшие” (2, с. 96).

В 1809 г. он по поручению императора пишет “Введение к Уложению государственных законов” – общий план преобразования государственной машины России, “дававший идеям, занимавшим его Величество с 1801 года систематическое расположение”. “Общий предмет преобразования, – говорилось здесь, – состоит в том, чтоб правление, доселе самодержавное, постановить и учредить на неприменяемом законе” – ограничить самодержавие “внутреннюю и существенную силою установлений”. Предусматривалось государственное устройство, включавшее три коллегиальных органа – Государственную думу, которой вверялось бы законодательство, Сенат, “верховное судилище империи”, и министерства; при этом “никакой новый закон не может быть принят без уважения Думы”, “установление новых податей, налогов и повинностей уважаются в Думе”; “министры

будут ответственны перед законодательным сословием, члены которого получают право требовать от них в положительные сроки соответствующих отчетов, а также предъявлять в их адрес обвинения”; также и судьи ответственны перед законодательной властью.

Падение Сперанского автор приписывает интриге, в которой сошлись главноуправляющий делами Финляндии Г.Армафельд, советник Александра I Г.Розенкамф и министр полиции А.Балашов; в книге при этом не отрицается и то, что с определенного момента госсекретарь занял уж чересчур критичную позицию по отношению к императору, при этом доходя порой до открытого выражения мнений, неприличных чиновнику его ранга. Автор воздерживается от разработки масонской темы в жизни Сперанского и темы его измены накануне войны 1812 г., да и слишком весомым историческим свидетельством является неоднократно сказанное Александром I “он виноват не в измене, он виноват передо мною”, приводимое и в книге. До конца “очиститься” в этой вине Сперанский так и не сможет.

В цикле статей “Тени блага” (Сперанский: первый теоретик государства в России” (3) Ю.Пивоваров ставит проблему в более широком историческом контексте. После Петра I, пишет автор, Россия представляла собой два “склада” жизни, два типа “цивилизаций”. Первый “склад” – многомиллионная, в основном крестьянская, масса, прочно укорененная в культуре средневековой Руси, второй – европеизированные верхи России: аристократия, дворянство, чиновничество и некоторые иные социальные группы. Одновременно набирает силу российское просвещение. Это и есть исторический контекст реформаторской деятельности Сперанского.

В теме “Сперанский и Александр I” автор в противовес известной традиции особо выделяет серьезность реформаторских интенций императора. “Наши дела в неимоверном беспорядке, – писал Александр В.П.Кочубею, – грабеж со всех сторон; порядок, кажется, изгнан отовсюду, а империя стремится только к расширению своих пределов”. Сам Кочубей в позднейшей записке писал на эту тему следующее: “Он сознавал, что учреждения, которые были хороши лет 100 – 50 тому назад, не могут годиться для государства, которое, все более и более развиваясь, испытывает потребности, неведомые в прежние времена, и вообще требует перемены в управлении и суде” (3, с. 78).

Показывая размах деятельности Сперанского в министерстве внутренних дел («им подготовлены и написаны проекты всех (!)

многочисленных постановлений министерства за период 1802 – 1807 годов») и вне министерской работы, автор выделяет главный результат в первоначальной деятельности реформатора, не сводимый к успеху или неудаче того или иного проекта, – осуществленную им четкую артикуляцию целого ряда принципов политической философии и государственного управления. От многого, высказанного им в этот период, он позже откажется, что-то пересмотрит, модифицирует. “Но главное – поставить русскую политическую жизнь на твердую почву законности, ограничить самовластие и деспотизм, придать силу общественному мнению и т.п. – все это останется в его идейном багаже навсегда” (3, с. 79).

Новые архивные материалы в изучение темы вводит в статье “Источниковая база исследования реформ начала XIX века: документы М.М.Сперанского в архивах Хельсинки” (4) А.Александров. Цель статьи – показать информационные возможности документов о деятельности Сперанского, хранящихся в Государственном архиве Финляндии и Архиве университета Хельсинки.

Политические реформы в Финляндии, пишет автор, начались сразу же по включении ее территории в состав Российской империи – в 1809 г. С этого же года Сперанский как руководил подготовкой этих реформ, так и координировал официальные контакты Петербурга с властями Финляндии. При этом – в контраст многим проектам, разработанным, но не осуществленным в России, – по отношению к Финляндии Сперанский предстает как активный реформатор, и многие хельсинкские документы отражают как раз эту, практически успешную, сторону его деятельности.

Автор подробно описывает фонд “Статс-секретариат” Государственного архива Финляндии, включающего в себя 29 дел. Документы поддаются систематизации по следующим темам: конституционная реформа и автономия Финляндии; развитие системы самоуправления и бюрократия; гражданские права и сословные привилегии; внешняя политика; экономические вопросы и торговля; денежная система и бюджет; правительственная политика в отношении науки и культуры Финляндии.

Большой интерес, пишет автор, представляют документы о таможенном режиме и участии России в континентальной блокаде. Специфика Финляндии заключалась в том, что на ее территории совершались многие внешнеторговые операции (грузы морских судов сгружали на подводы и отправляли в Петербург), поэтому таможенные

запрещения и преграды воспринимались болезненно и купцами, и местными жителями, и представителями местной администрации. Это скорее всего и объясняет “финскую линию заговора” против Сперанского, ставшего одной из причин его падения в 1812 г.

Известно почти демонстративно подчеркнутое уважение Александра I к представителям финской науки и университетского образования, продолжает автор. В лице Сперанского финские профессора получили надежную поддержку. Документы дают новые доказательства того, что развитие образования (в том числе высшего и специального) было одним из главных дел Сперанского-реформатора.

Корейский историк Ох Ду Юн в кандидатском исследовании “Реформы М.М.Сперанского: идеи и реальность” (5) выделяет проблему реализованного и нереализованного в реформаторской деятельности Сперанского. По мнению автора, Александр I отчасти сам, отчасти под давлением окружения в целом отказался от программы государственной реформы, выработанной Сперанским к 1910 г., осуществив лишь малую часть из задуманного. Реализованным оказался план создания Государственного совета. Несмотря на противодействие ряда членов Государственного совета, была высочайше одобрена идея реформы Сената, но вначале ее отложили ввиду международных осложнений, а в дальнейшем так и не осуществили. Фактически из всех проектов реформатора полностью осуществлена была только министерская реформа.

Тяжелое финансовое положение России, подорванное войнами и континентальной блокадой, продолжает автор, заставило правительство искать пути оздоровления финансов. В конце 1809 г. Сперанским был разработан проект финансовой реформы, предусматривавший уменьшение расходов и увеличение доходов. Предполагалось прекратить выпуск ассигнаций из-за резкого падения их курса и заменить их путем выкупа серебряной монетой, продать часть казенных имений, повысить некоторые налоги, ввести подати с дворянских имений, увеличить цены на вино и повысить тарифы на вывозимое сырье. “План финансов” Сперанского предполагал также реорганизацию управления финансовым делом и эффективные меры по сбору налогов. Он был принят и обнародован в виде императорского манифеста 2 февраля 1810 г., однако реализован был лишь частично – как вследствие протестов дворянства, так и из-за начала войны 1812 г. К числу наиболее значимых реализованных нововведений относилось повышение тарифов, что

сыграло важную роль в борьбе с торговой экспансией Франции и укрепило отечественную промышленность. Прекращение же выпуска ассигнаций было осуществлено лишь в 1840-х годах.

Оценивая деятельность Сперанского в целом, автор заключает: “Преобразовательные планы Сперанского были реализованы в незначительной части. Под влиянием протестов консервативного дворянства и бюрократических верхов Александр I не решился провести реформы в трактовке Сперанского. В результате осуществленные преобразования вылились в чисто административную реорганизацию аппарата управления и не внесли в страну конституционных начал... Для задуманных перемен в стране не было еще необходимых общественно-политических и социально-экономических условий... Там, где такие условия существовали – например, в Финляндии – конституционный режим был установлен” (5, с. 26).

К 225-летию со дня рождения Сперанского во Владимире прошли посвященные ему Чтения – первые чтения такого рода (6). Опубликованный сборник открывается статьей начальника Архивного отдела администрации Владимирской области Р.Савиной “Роль М.М.Сперанского в составлении первого “Полного собрания законов Российской империи”. По воцарении Николая I, пишет автор, в государстве началась серьезнейшая работа по реформе судопроизводства; сам император так говорил об этом в начале 30-х годов: “Главным занявшим меня делом было, естественно, правосудие. Я еще смолodu слышал о недостатках у нас по этой части, о ябеде, о лихоимстве, о несуществовании полных на все законов или о смещении их от чрезвычайного множества указов, нередко между собою противоречивых. Это побудило меня, с первых дней моего правления, рассмотреть состояние, в котором находилась комиссия, учрежденная для составления законов. К сожалению, представленные сведения удостоверили меня, что ее труды остались почти совершенно бесплодными. Не трудно было открыть и причину этому: недостаток результатов происходил, в первую очередь, оттого, что всегда обращались к сочинению новых законов, тогда как надо было сперва основать старые на твердых началах. Это побудило меня начать, прежде всего, с определения цели, к которой правительство должно направлять свои действия по части законодательства, и, из предложенных мне путей, я выбрал совершенно противоположный прежним. Вместо сочинения новых законов, я велел собрать сперва вполне и привести в порядок те,

которые уже существуют, а самое дело, по его важности, взял в непосредственное мое руководство, закрыв прежнюю комиссию” (6, с. 6).

Вместо комиссии было образовано в Собственной его Императорского Величества канцелярии 2-е Отделение с задачей осуществить кодификацию законов и в первую очередь составить “Полное собрание законов Российской империи”, а затем “Свод законов Российской империи”, в котором действующие законодательные акты были бы расположены в тематическом порядке. Начальником 2-го Отделения был назначен М.Балугьянский, а управление работой по составлению собрания законов поручено Сперанскому.

Автор особо подчеркивает исторический масштаб задачи. Нужно было собрать все законодательные акты за 180 лет – с 1649 по 1826 г., подлинники которых хранились в архивах Приказов, Коллегии иностранных дел в Москве, петербургском Архиве Правительствующего Сената, Государственном архиве старых дел, в архиве Святейшего Синода, министерских архивах. В составленном реестре оказалось 53 239 узаконений. Громадный труд по систематизации этого массива был проделан в несколько лет. В январе 1833 г. чрезвычайному заседанию Государственного совета были представлены 56 томов “Полного собрания законов” и 15 томов “Свода законов”.

Профессору Владимирского гос. пед. ин-та Д.Копылову в сборнике принадлежит статья “М.М.Сперанский и Великая Сибирская реформа”. По назначении генерал-губернатором Сибири, пишет автор, Сперанскому было предложено “сообразить на месте полезнейшее устройство и управление сего отдаленного края и сделать оному начертание”. В 1821 г. Сперанский был возвращен в Петербург и назначен членом Государственного совета и Сибирского комитета. Сибирская реформа вылилась в ряд законодательных актов, главными среди которых были “Учреждение для управления Сибирских губерний” и “Устав об управлении инородцев”. Сибирь была разделена на Западносибирское и Восточносибирское генерал-губернаторства с центрами соответственно в Тобольске и Иркутске: к составу первого генерал-губернаторства были отнесены Тобольская, Томская губернии и Омская область; второго – Иркутская и Енисейская губернии, Якутская область и Охотское, Камчатско-Приморское и Троицко-Савское управления. Генерал-губернаторы наделялись значительной административной, судебной и экономической властью; для предотвращения злоупотреблений при них создавались советы из назначаемых царем

сибирских чиновников. При гражданских губернаторах, возглавлявших местную администрацию, также создавались совещательные советы из чиновников, подчиненных начальнику губернии. Губернии делились на округа с окружными начальниками во главе; при них создавались советы из местных чиновников. В городах административная власть вверялась городничим, хозяйственная же деятельность – сословным думам, состоящим из головы и выборных заседателей. Административно-полицейскими и фискальными органами для крестьян становились волостные правления с выборными старшинами, сельскими старостами, сборщиками податей и писарями. Дела Сибири в Петербурге сосредоточивались в Сибирском комитете.

Существенную часть Сибирской реформы 1822 г. составлял “Устав об управлении инородцев в Сибири”, который давал аборигенам широкое самоуправление, учитывал их уклады, традиции и обычное право. В зависимости от уровня развития народности делились на бродячие, кочевые и оседлые. Последние были приравнены в правах и административном устройстве с русскими крестьянами. Существенное отличие состояло лишь в том, что оседлые “инородцы” освобождались от рекрутской повинности.

Система управления включила три звена: родовое управление, инородную управу и степную думу. Первое учреждалось для каждого стойбища, улуса или рода, имевшего не менее 15 семей. Стойбища и улусы, состоявшие из меньшего числа семей, причислялись к другим, соседним. Родовое управление состояло из головы, двух выборных помощников и, если было возможно ввести письмоводство, – письмоводителя. Головы занимали эту должность по наследству или по выбору и т.д.

М.М. Сперанский был озабочен тем, чтобы оградить коренных жителей Сибири от произвола чиновников и полиции, которые под видом торговли грабили и обманывали их. В “Уставе” записано: “Торговля с кочующими служащими в той же губернии чиновниками, под каким бы то предлогом и видом ни было, запрещается”. Кроме того, “Устав” защищал местное население от засилья купцов, нередко устанавливающих монополию на торговлю в ясачных волостях, устанавливая свободную торговлю в любое время в местах обитания кочевников и в то же время запрещая ввоз и продажу алкоголя на ярмарках и в стойбищах.

“Устав” также предоставлял широкие возможности для общения аборигенов с русским населением. “Инородцам” позволялось отдавать своих детей в государственные учебные заведения и открывать свои училища. В отношении религии этот документ сохранял позицию веротерпимости. Реформаторы видели перспективу в постепенном переходе кочевников на оседлость, без всякого принуждения к тому со стороны властей, и свободного выбора оседлыми аборигенами образа жизни и деятельности.

Сборник завершается статьей О.Гуреева “Педагогические идеи М.М.Сперанского”. В 1804-1811 гг., пишет автор, в России были подвергнуты реформированию все ступени народного образования. Комиссия, в которую входил и М.М.Сперанский, разработала принятые еще в 1803 г. “Предварительные правила народного образования”. В документе декларировалось общее среднее, доступное всем слоям населения, образование, т.е. принципы бессловной школы. По этим “Правилам...” в России была построена четкая структура образования: приходские, уездные, губернские училища, университеты. Открытие в 1811 г. Царскосельского лицея явилось завершением цепи преобразований в России, попыткой создать “идеальное учебное заведение”.

Основным документом о создании лицея является “Постановление о Царскосельском лицее”, авторство которого приписывается Сперанскому. По этому указу, учреждение лицея имело целью “образование юношества особенного, предназначенного к важным частям службы государственной”. Хотя при разработке “Положения о Царскосельском лицее” Сперанский пользовался уставами французских учреждений подобного типа, в основу лицея были положены отечественные начала – стремление утвердить школу у домашнего очага и включить в задачи системы образования обязанности семьи. Эта же идея прослеживается и в изучении предметов, где особое место отводилось российской истории. С точки зрения методологии лицей являлся самым прогрессивным учебным заведением России того времени.

С.Ю.Никуличев